

УДК 801, 2.09

ДИСКУРС СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК УНИКАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Н. В. ЕГОРШИНА**Ю. В. ШУЙСКАЯ****E-mail: egorshina.n@mail.ru**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уникальных характеристик дискурса сетевой литературы, возникшего с появлением и распространением Интернета как средства массовой коммуникации. Сетевая литература принципиально иначе взаимодействует с читателем, имеет иную композиционную структуру текста, иначе развивается в диалогическом режиме. Показано, что речь идет о ином типе дискурса, существенно отличающемся от классического типа литературы и одностороннего взаимодействия с читателем. Рассмотрены ранние периоды развития сетевой литературы, восходящие к появлению и развитию Интернета, а также дальнейшие перспективы уникальной модели дискурса.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативные стратегии, сетевая литература, медиакоммуникации.

Пространство Интернета, как указывает Сергей Корнев, согласно своей «теории сетературы» [1], представляет собой пространство для самореализации без цензуры и без диктата печатного станка – писатель может непосредственно взаимодействовать с читателем, публиковать любое произведение, которое будет прочитано, если оно заинтересует читателя.

Интересно в данном случае следующее: Интернет как глобальная коммуникативная среда уничтожает диктат времени и расстояния. Писатель может взаимодействовать с читателем из любой точки земного шара, отклики на произведения могут возникнуть спустя несколько лет. Как отмечает Корнев, это существенно влияет на содержание самих текстов. «Эпоха Гуттенберга» пришла на смену эпохе рукописного распространения текстов, когда переписывались и распространялись, главным образом, произведения, связанные с сакральными текстами, а художественная литература существовала в устной форме – рассказов фавлю, различных произведений народного эпоса («Песнь о Роланде») и пр. Появление печатного станка постепенно привело к развитию авторской художественной литературы – возможность быстро и относительно дешево распространять тексты десакрализовала книгу. Появилась возможность распространять авторские произведения, и в XVII–XVIII веке писатели были в буквальном смысле «властителями дум» – к их мнению прислушивались, с ними взаимодействовали правители.

Эта тенденция сохранялась вплоть до появления интернета – фигура писателя была сигнификативна в любой культуре, тексты имели большое значение для читателей, к ним обращались как к некоей референтной точке. Однако во многих случаях путь писателя к читателю предполагал взаимодействие с печатным станком и тем самым – с государством. В середине XX века представители «французской школы» говорили о «смерти автора», «текстах-

цитонах», однако в полной мере фигура активного читателя реализовалась именно с появлением Интернета, когда появилась возможность переходить по ссылкам и самостоятельно формировать текст, который тем самым превращался в уникальный.

В эпоху до распространения Интернета существовала, особенно в условиях СССР, в присутствии цензуры, подпольная литература – широко распространяемый самиздат, переписываемые от руки и перепечатываемые на машинке произведения, популярные в народе.

Интернет дал возможность распространять тексты непосредственно – фактически, у любого автора появилась возможность показывать читателю свои произведения. Это перестроило контент литературы под вкусы массовой аудитории, которые не всегда соответствуют высоким художественным стандартам. В сети популярны, например, так называемые фанфики – любительские продолжения известных произведений, либо параллельные произведения, в которых действуют те же герои, но описываются совершенно иные варианты развития сюжета. Многие фанфики написаны со стилистическими и орфографическими ошибками, в них часто нарушается элементарная логика. То же самое касается и произведений сетевой литературы в принципе – в силу отсутствия редактуры качество текста снижается.

С другой стороны, подлинно талантливый автор имеет прекрасную возможность взаимодействовать с читателем напрямую – отвечать на комментарии, отмечать какие-то моменты, которые читатель не понял. Так, психиатр Максим Малявин, автор книг «Записки психиатра», первоначально выкладывал в блогах рассказы о своих пациентах – беллетризованные рассказы о реальных людях с изменением имен и фамилий. Произведения стали популярны в Сети, автор постоянно взаимодействовал с читателями, и в итоге его произведения стали публиковаться в бумажных книгах, что только прибавило ему популярности.

Многие авторы, привыкшие первоначально взаимодействовать с читателями на страницах бумажных книг, воспринимают выкладывание их текстов в Сеть как пиратство и стараются с этим бороться – выложенные в Сети тексты как бы отбирают их доход от продажи книг в бумажном формате. Другие же авторы, наоборот, воспринимают сетевую форму и печатную как не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга. В основном сеть как пиратство воспринимают те, кто начинал не в Сети.

Бытование текста в Интернете отличается от бытования печатного текста – для восприятия текста нет нужды идти в магазин, покупать книгу и пр. – достаточно открыть сайт и начать читать. Это в определенном смысле уничтожает ценность текста как такового. Так, в эпоху печатной и журнальной литературы читатели ждали продолжения произведения, волновались о судьбе героев. Когда частями в журналах выходила Диккенсовская «Крошка Доррит», в Нью-Йорке встречали пароход с новыми выпусками журнала, с берега выкрикивая вопросы о судьбе героини. Иного способа узнать, что с ней произошло дальше, у читателей не было. В современном мире читателю совершенно нет нужды так переживать о судьбе главной героини, ожидая развязки – книга в Сети доступна сразу и целиком, ее можно скачать и прочесть без трудностей.

Тенденция развития современных технологий, интеграция их в человеческую жизнь во многом стимулирует совершенствование средств массовой

информации. Общеизвестным примером является наступление эры Гуттенберга в XV веке. Печатный станок в дальнейшем позволил подстроиться журналистам того времени под читательскую аудиторию и создавать более новые направления в данном ремесле [2].

Со временем, как правило, с появлением все более новых технологий у людей возникала необходимость во внедрении их не только в повседневную жизнь, но и в сферу бизнеса. И, несмотря на то, что корыстные цели привели человечество XXI века к стагнации, находчивые компании для привлечения новой читательской аудитории стали использовать психологические манипуляции. Чаще всего данные манипуляции скрыто проецируются на читателей, особенно в мужских и женских журналах, где гендерное мышление рассматривается, скорее, как некий стереотип, присущий каждому, нежели как глобальные социокультурные явления, которые определяют вектор мышления мужчин и женщин.

На количество и качество литературных произведений, издаваемых в СССР, существенно повлияла плановая экономика, которая действовала практически во всех областях. В Советском Союзе не было рыночной экономики, по крайней мере, официальной – практически в любой сфере промышленности ориентировалась на план и выпускала именно то, что запланировано. Это приводило к появлению так называемого дефицита – так, промышленность могла годами выпускать мало удобные в эксплуатации приборы или эстетически не приятные предметы одежды.

То же самое происходило и на книжном рынке. Фактически, в роли планово печатаемой огромными тиражами существовала литература социалистического реализма, которая подразумевала колоссальную «лакировку» действительности. При установлении новой власти литература еще на заре существования СССР получила художественную задачу – показать, насколько лучше и прекраснее стал мир с масштабными государственными преобразованиями. То же самое происходило и в других областях искусства – живопись, скульптура, кинематограф прославляли ту жизнь, которой в итоге не видели обычные люди. Примером этого служат такие фильмы, как «Веселые ребята», «Кубанские казаки» – ставшие классикой советского кинематографа, они изображают изобилие, снятое в те времена, когда в стране в действительности был голод.

В литературе, помимо отображения «конфликта хорошего с лучшим», характерного для соцреализма, также действовала установка на подъем национальных литератур и творчества малых народов. Советский Союз позиционировался как большая дружная семья народов, в которой абсолютно все равны. И горячо поддерживались правительством и партией такие писатели как, например, Расул Гамзатов и ряд других авторов, писавших на национальных языках. Чтобы познакомить с их работами массового читателя, было необходимо перевести их на русский язык – и долгие годы именно такие переводы были спасением для «замолчавших» поэтов, в частности, например, для Анны Ахматовой.

Параллельно существовала и развивалась многочисленная «подпольная» литература – так называемый самиздат, произведения, которые распространяли и переписывали от руки. «Запрещенная» литература была интересна по факту своего существования – практически, читателей могли не волновать ее художественные достоинства, им было крайне интересно прочитать, что же

именно запретило государство. В «запрещенную» зону попали и А. И. Солженицын, и И.А. Бродский, и С.Д. Довлатов – писатели, которые не просто создавали литературные произведения не в русле идеологии, но и подверглись преследованию за свое творчество.

При этом в литературе совершенно не действовали законы рынка, и тиражи напечатанного произведения мало коррелировали с его популярностью. Существовала официально приемлемая, «признанная» литература, поощряемая и издаваемая. На ее издание никак не влияли ее эстетические характеристики – влияло реноме автора, его статус, выбранная тематика и т.п. Технически это действовало так, что многие произведения маститых авторов публиковали, практически «не глядя», а новому автору было чрезвычайно сложно пробиться к своему читателю.

Конец XX века поставил литературу в рыночные условия – после разрушения типичных социальных связей и воцарения нового типа экономики книга стала оцениваться по тому, насколько хорошо (или не хорошо) она продается. Так на рынок хлынул поток детективов, любовных романов и иной литературы низкого качества.

Сетевая литература в таких условиях оказалась своеобразным «глотком свежего воздуха», той отдушиной, к которой смогли обратиться неравнодушные авторы и неравнодушные читатели. Как отмечает Алексей Андреев [3], у сетевой литературы возникли две важные характеристики, недоступные литературе бумажной:

1. Появилась возможность прямого общения с читателем – автор, писатель, который ранее мог видеть своего читателя только на творческих вечерах (если он их проводил), мог теперь получить комментарий практически в режиме реального времени.

Андреев преподносит этот факт как восторженное завоевание новой литературы. Но всегда ли это так? И да, и нет. Возможность поговорить с читателем – несомненно, прекрасный инструмент общения. Как подчеркивает Андреев, отклик можно было получить буквально из любой точки земного шара, что ранее было невозможно в принципе. Однако это же может привести и к своеобразной деградации содержания литературы, особенно в современных реалиях. Писатель, подстраивающийся под вкусы толпы, рискует снизить качество своих произведений, и значительно. Литература словно провалилась в те времена, когда в начале XX века автора оценивали по его социальному происхождению и классовому статусу.

2. Авторы книг разделились на тех, кому важны деньги – эти люди всячески препятствовали выкладыванию в Сеть своих произведений и отрицали чтение в Сети, стремясь заработать с «бумажных» тиражей, и тех, кому важнее непосредственное общение с читателями.

Это соображение также нуждается в некоторой ремарке. На сегодняшний день технические возможности Сети дают многочисленные варианты оплаты понравившемуся автору. Так, произведение можно купить в электронных библиотеках, которые, как правило, выкладывают в открытый доступ небольшой фрагмент на несколько страниц для привлечения внимания, можно заплатить непосредственно автору, например, блога на «дзене» и т.д. Противопоставление сетевой литературы и коммерческой успешно разрешилось: сетевая литература также стала коммерческой.

Литература во все времена не могла не взаимодействовать с властью: пи-

сатель в большинстве обществ современности является авторитетной фигурой, его мнение интересно в обществе, к нему прислушиваются. Он не претендует на лавры правителя, но не может не высказываться о его действиях, и зачастую мнение писателя оказывается более важным для читателей, чем мнение правителя. В России словам писателя традиционно придавали большое значение, и писатель был для общества чрезвычайно значимой фигурой.

Как правило, в России всегда существовала цензура, и в качестве реакции на нее – подпольное искусство, распространявшееся исключительно «среди своих». Конец XX века благодаря сетевой литературе ознаменован свободой в распространении текста – цензуры в Сети в ее первоначальном варианте существования не было вовсе, в современном Интернете она присутствует в ограниченном количестве и касается, главным образом, тематики национальной розни, политической корректности и подобного.

Сеть стала исключительным пространством для самовыражения, дав возможность в прямом смысле слова каждому писателю найти своего читателя. Играя в возможности сетевой литературы, некоторые писатели использовали ее гипертекстовую структуру как основу для принципиально нового типа порождения текста. Сбылась мечта «французской школы», последователей Ролана Барта – текст впервые в прямом смысле слова творится читателем, а не автором [4]. Гиперссылки превращают текст в своего рода «сад расходящихся тропок»: каждая ссылка – развилка, на которой автор-читатель может повернуть в любую сторону.

Интересно, что к Интернету применимы многочисленные метафоры Хорхе Луиса Борхеса, возникшие в его фантазийных мирах тогда, когда еще никакой сетевой литературы не было и в помине. Так, Интернет вполне коррелирует с образом «вавилонской библиотеки» – бесконечной библиотеки, на просторах которой можно встретить любую книгу. Также к Интернету в полной мере относится метафора из другого рассказа Борхеса – «книги песка» с бесконечным количеством страниц, которые никогда не заканчиваются и не начинаются. И, безусловно, образ текста, рождаемого автором-читателем, читателем, погруженным в мир гиперссылок, – это образ борхесовского «сада расходящихся тропок», в котором каждая тропка является реализованной или упущенной возможностью.

Сетевая литература, на наш взгляд, представляет собой особую площадку для реализации взаимосвязей автора и читателя, и этим обусловлена ее специфика дискурса. Поливалентный текст подразумевает расширение возможностей открытого диалога читателя и писателя, гибкое изменение текста и отсутствие фиксированно принятого варианта, финального текста.

Дискурсивные особенности текста такого типа вынуждают теоретиков сетевой литературы говорить о завершении эпохи постмодерна [1, 2, 3]. Тексты постмодернизма характеризовали смещения жанров. Текстом становится абсолютно все, вплоть до движений автора, его видеосъемок и фотографий, манеры одеваться и ежедневного меню [4]. Одновременно текст приобретает многослойность: он существует как бы в многообразии граней, поворачиваясь к каждому читателю своей стороной. К примеру, в текстах современного автора детективов об Эрасте Фандорине, его предках и потомках, Б. Акунина, читатель может увидеть, в первую очередь, захватывающий сюжет и традиционное для такого жанра игровое начало: попытку вычислить преступника вместе с детективом и раньше него. В то же время автор широко включает в

текст аллюзии к классической русской литературе, используя отсылки к Толстому, Достоевскому, Чехову и многим другим авторам. Помимо этого, автор вступает в открытую игру с читателем, предлагая придумать варианты разгадки описываемого преступления (рассказ “Table-talk 1882 года”) или вступить в игру-квест по поиску перстня (роман «Ф.М.», перстень найден не был, и автор по истечении оговоренного срока сам разъяснил разгадку). В самой фамилии главного героя – Фандорин – можно увидеть отсылку к французскому кинематографу, циклу фильмов о Фантомасе, в котором действовал герой Жером Фандор.

Автор постмодерна использует «двойное кодирование» (термин Ч. Дженкса, автора программной статьи «Взлет архитектуры и постмодернизма» 1975 г. [5]): семиозис текста таков, что каждый читатель может воспринять и прочесть его по-своему. Один и тот же человек может воспринять и несколько разных интерпретаций параллельно: так, чтение детективов Акунина с вычлениением аллюзий к классике не мешает разгадыванию детективной интриги. Все многообразие трактовок известно только автору (см. Ж.-Ф. Лиотар, «Состояние постмодерна» [6]), и вполне возможно, что даже и ему самому не до конца: многообразие постмодерна позволяет множить интерпретации, видя в тексте в том числе и то, что автор туда не вкладывал. Некоторые аллюзии могут являться, например, не сознательным стремлением отослать читателя к другому тексту, а следом начитанности автора. Примерно так А.Н. Толстой объяснял появление сказки о Буратино, во многом воспроизводящей черты сказки Карло Коллоди – русский автор утверждал, что пересказывает слышанное им в детстве.

Поливалентность трактовок увеличивается за счет комментариев и введения в текст в качестве его неотъемлемой части реплик читателей. Как отмечает А.С. Рослый, эту особенность уже подчиняет себе и эксплуатирует сетевая литература: «читатель «сетевой литературы» имеет дело с совокупностью художественных текстов, которые не только не представлены в «традиционном варианте», но даже не могут быть адекватно прочитаны вне дисплея, вне электронной среды, поскольку создавались с учетом новых, дарованных сетью Интернет, изобразительно-выразительных возможностей. Именно такая литература является собственно «сетевой» и заслуживает звания уникального социокультурного явления» [7]. Этот слой развития литературы следует считать уже пост-постмодернизмом.

Текст постмодернизма, если обобщить его особенности, таким образом:

- (1) каждый воспринимает (=создает) его по-своему;
- (2) он не подчинен нормам. Об этом говорит, например, появление в Интернете текстов с откровенно неверной орфографией (не только в чатах, но и на сайтах), но, тем не менее, отлично воспринимающихся получателем. На телевидении и радио речь ведущих программ также перестала так жестко регулироваться, как это было в советские времена, в условиях жесткой цензуры и повышенных требований к образу ведущего;
- (3) он выражает интересы получателя, а не создателя;
- (4) он компилирует отрывки других текстов.

На наш взгляд, дискурс сетевой литературы, который предоставляет возможности для реализации всех перечисленных особенностей в полном объеме, в результате приводит к появлению «пост-постмодернизма», так как все черты литературы прежнего периода были интересны именно своим преодо-

лением типичных особенностей литературы «печатного станка», «эпохи Гуттенберга». Постмодернизм был последним продуктом печатного станка, а новая технология приводит к возникновению нового типа текста и нового вида взаимодействия с читателем. Это взаимодействие, вероятнее всего, будет основано на преодолении уже тех ограничений, которые предполагает современный тип дискурса. Кажущаяся безграничность сетевой литературы в реальности также является ограниченной: так, например, отсутствие стабильного, фиксированного варианта текста приводит к стиранию границ между черновым и чистовым вариантом. В классической, «бумажной» литературе статус черновика как отвергнутого автором варианта был принят и понятен. Более того, автор имел возможность, как, например, Н.В. Гоголь, полностью уничтожить произведение, если был им недоволен. Особенность сетевого текста – в принципиальной невозможности его уничтожения. Внимательный читатель сможет ознакомиться и с удаленным текстом, и с отвергнутыми вариантами текста. Это распространяется и на тексты масс-медиа: как правило, удаление текста на конкретном ресурсе приводит к обратному эффекту: его популярность у читателей существенно повышается, так как с ним связывается определенный скандал, стимулирующий ознакомиться с ним подробнее. Сеть позволяет при необходимости полностью вернуться в дискурсивную ситуацию создания текста. Если, к примеру, современный читатель не имеет возможности вернуться в ситуацию создания какого-либо произведения XIX века, понять, какие новости были актуальны в момент выступления автора с этим произведением, какие события обсуждались в обществе и пр., то в современной реальности буквально все происходящие события оставляют так называемый «цифровой след», что позволяет полностью восстановить условия создания текста. В сознании современного читателя события, которого нет в Сети, практически не было, поэтому при необходимости обстановку создания и восприятия любого текста и высказывания можно воссоздать практически поминутно.

Сетевая литература – не всякий текст, помещенный в электронном виде в Сети, а именно уникальный способ бытования текста в эстетике постмодерна. То, что было в постмодернизме вызовом и преодолением границ, в дискурсе сетевой литературы стало обыденностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корнев, С.* «Сетевая литература» и завершение постмодерна / С. Корнев. – Текст : непосредственный // Новое Литературное Обозрение. – № 32 (4). – 1998. – С. 29–47.
2. *Горный, Е. А.* Проблемы сохранения культурного наследия в эпоху цифрового текста / Е. А. Горный. – Текст : электронный. – URL : <http://www.netslova.ru/gorny/digtext.html> (дата обращения : 29.11.2021).
3. *Андреев, А. В.* Манифест Сетевой Литературы, или Личный Опыт Поэтической Независимости / А. В. Андреев. – Текст : электронный. – URL : <http://www.netslova.ru/esse/manif.htm> (дата обращения : 29.11.2021).
4. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / перевод с французского ; составитель, общая редакция и вступительная статья Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с. – Текст : непосредственный.

5. *Дженкс, Ч.* Язык архитектуры постмодернизма / под редакцией А. В. Рябушина, М. В. Уваровой, В. Л. Хайта. – Москва : Стройиздат, 1985. – 136 с. – Текст : непосредственный.

6. *Лиотар, Жан-Фр.* Состояние постмодерна: перевод с французского Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии, 1998. – Текст : электронный. – URL : <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (дата обращения : 29.11.2021).

7. *Рослый, А. С.* Сетевая литература как факт актуального литературного процесса. / А. С. Рослый – Текст : непосредственный // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 50–56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Егоршина Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, начальник кафедры языкознания и литературы Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Шуйская Юлия Викторовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и литературы Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

E-mail: egorshina.n@mail.ru

DISCOURSE OF NET LITERATURE AS A UNIQUE MODEL

Abstract. The article examines the issues of the unique characteristics of the discourse of network literature that arose with the emergence and spread of the Internet as a means of mass communication. Networked literature interacts with the reader in a fundamentally different way, has a different compositional structure of the text, otherwise it develops in a dialogical mode. It is shown that we are talking about a different type of discourse, significantly different from the classical type of literature and one-sided interaction with the reader. The early periods of the development of network literature, dating back to the emergence and development of the Internet, as well as further prospects for a unique discourse model are considered.

Keywords: discourse, communication strategies, network literature, media communications.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Egorshina Nina Vladimirovna, Dr. Sc. (Linguistics), Professor, Head of the Department of Linguistics and Literary Studies of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

14 Bol'shaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

Shuyskaya Yulia Viktorovna, Dr. Sc. (Linguistics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

14 Bol'shaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: egorshina.n@mail.ru